

*П. Н. Базанов, Т. Д. Богатырёв, Н. В. Голик **

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ О ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА: КРИТИКА ИСТОРИКА Н. И. УЛЬЯНОВА **

В статье дается обзор идейного наследия известного русского историка второй «волны» русской эмиграции Николая Ивановича Ульянова (1904–1985), посвященного великому русскому философу Николаю Александровичу Бердяеву. Дискуссии о роли и месте философии Бердяева были распространены в послевоенной русской эмиграции. Анализируется критика Ульяновым идейной позиции Бердяева по национальному вопросу, роли русской православной церкви в истории России и в отношении к Петру Великому и его реформам. По мнению Ульянова, Бердяев не обладал достаточными историческими знаниями, не имел научной методологии, в тайны истории стремился проникнуть интуитивно, что приводило к малонаучным спекуляциям, а также он волюнтаристски относился к творческому наследию П. Я. Чаадаева. В то же время Ульянов признавал авторитет Бердяева, охотно ставил его «крылатые фразы» в виде эпитафий к своим статьям. Сравнивается позиция Ульянова по от-

* Базанов Петр Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры; Русская христианская гуманитарная академия; bazanovpn@list.ru;

Bazanov Petr Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg State Institute of Culture; Russian Christian Academy for Humanities named after. F. M. Dostoevsky; bazanovpn@list.ru;

Богатырев Тимофей Дмитриевич — аспирант, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского;

Bogatyrev Timofey Dmitrievich — graduate student, Russian Christian Humanitarian Academy for Humanities named after. F. M. Dostoevsky;

Голик Надежда Васильевна, доктор философских наук, профессор, Русская христианская гуманитарная академия; n_golik@mail.ru

Golik Nadezhda Vasilievna, Doctor of Philosophy, Professor; Russian Christian Academy for Humanities named after. F. M. Dostoevsky; n_golik@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00748, <https://rscf.ru/project/24–28–00748/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

ношению к творчеству Бердяева с другими русскими мыслителями: В. Ф. Эрном, Ф. А. Степуном, И. А. Ильиным, Н. О. Лосским. Делается вывод, что Ульянов считал Бердяева типичным интеллигентом-богоискателем, далеким как от православия, так и от академической науки.

Ключевые слова: Русское зарубежье, Н. А. Бердяев, Н. И. Ульянов, философия, история, критика, философия истории, русская эмиграция.

Bazanov P. N., Bogatyrev T. D., N. V. Golik
RUSSIAN ABROAD ABOUT THE PHILOSOPHY OF N.A. BERDYAEV:
CRITICISM OF THE HISTORIAN N.I. ULYANOV

An overview of the ideological heritage of the famous Russian historian of the second “wave” of Russian emigration, Nikolai Ivanovich Ulyanov (1904–1985), dedicated to the great Russian philosopher Nikolai Alexandrovich Berdyaev, is given. Discussions about the role and place of the philosophy of Berdyaev were widespread in the post-war Russian emigration. The criticism of Ulyanova of the ideological position of Berdyaev on the national question, the role of the Russian Orthodox Church in the history of Russia and in relation to Peter the Great and his reforms. According to Ulyanov, the philosopher Berdyaev did not have sufficient historical knowledge, did not have a scientific methodology, and sought to penetrate the secrets of history intuitively, which led to unscientific speculation. In the same way, Berdyaev had a voluntaristic attitude towards the creative heritage of P. Ya. Chaadaev. At the same time, the historian Ulyanov recognized the priority of the philosopher Berdyaev, with pleasure he put his “catch phrases” in the form of epigraphs to his articles. The position of Ulyanov in relation to the work of Berdyaev with other Russian thinkers V. F. Ern, F. A. Stepun, I. A. Ilyin, N. O. Lossky. Ulyanov considered Berdyaev a typical God-seeking intellectual, far from both Orthodoxy and academic science.

Keywords: Russian Abroad, N. A. Berdyaev, N. I. Ulyanov, philosophy, history, criticism, philosophy, history, Russian emigration.

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) — один из самых известных русских философов. Для западной культурной элиты Бердяев вместе с Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым является олицетворением России, русской мысли и православной духовности. Некритически воспринятый пафос бердяевской философии, интерпретации его экзистенциализма и персонализма перекочевали из русского зарубежья и западной славистики в современную российскую мысль в конце 1980 — начале 1990-х гг.

Вместе с тем, восхищение Николаем Бердяевым всегда сочеталось с его резкой критикой. Во многом виновником такого положения дел был сам мыслитель. Каждые десять лет он существенно менял не только свои общественно-политические взгляды, но философские концепции и теории. Противники знаменитого философа с большим удовольствием перебирали его идейные поиски, марксистские и социалистические взгляды в молодости, богоискательство, экзотически и модернистски воспринятое христианство, шатание из антибольшевизма к советофилии и назад к антикоммунизму. Многие историки философии отрицали существование у Бердяева единой системы философских взглядов, отмечая, что каждые десять лет он начинает писать прямо противоположное предыдущему десятилетию. Одним из первых и отчетливее других эту точку зрения сформулировал еще в 1915 г. в статье «Налет валькирии» в газете «Биржевые ведомости» В. Ф. Эрн:

«А дух Бердяева? Разве он не колеблется и не сотрясается при каждом порыве ветра? Дует марксизм — Бердяев — марксист. Стало спускаться с высот Достоевского и Соловьева веяние “идеализма” — Бердяев охватывается им. Мережковский поднял бурю в стакане воды, и вот в числе наэлектризованный им — Бердяев. Женственный дух Бердяева резонирует на все воздушные зоны. Он, как эхо, откликается на нищезанятие. Он отражает духовные бури Ибсена. Теперь он “вдохновляется” штейнерианством. Да весь он состоит из преломлений, из пневмических зарядов, из мгновенных восторгов перед духами, которые попеременно или вместе овладевают пневмой его» [19, с. 364].

Данную мысль можно продолжить и по изменениям позиций Бердяева в эмигрантский период. «Метафизическая позиция Н. А. Бердяева [в начале эмиграции], его вера в религиозную природу зла, его убеждение, что большевицкий строй — “сатанократия”» (по удачной формулировке Ф. А. Степуна) [5, с. 313–314], сменилась к концу 1930-х гг. оборонческой позицией и защитой СССР от гитлеризма — подлинного сатанизма.

Даже физический недостаток Бердяева, заикание, ставилось ему в упрек, так как именно оно якобы приводило к появлению в его произведениях гигантских ассоциативных рядов, к потере формальной логики и даже всякого здравого смысла. В этом отношении характерна позиция И. А. Ильина, выраженная в его работах с символическими названиями «Николай Бердяев. Новое религиозное сознание и общественность», «Кошмар Бердяева» и еще более «“Подвиг лжи” г. Бердяева» (само ильинское прозвище «Белибердяев» говорит лучше любых цитат).

Особенно доставалось Бердяеву за его идеи к истории России и роли интеллигенции в формировании русской общественно-политической мысли. В этом отношении интересна позиция знаменитого русского историка и культуролога Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Н. И. Ульянов — крупнейший представитель «второй волны» русской эмиграции, профессиональный историк (в оторванности от архивов), последний ученик академика С. Ф. Платонова. В условиях вынужденного изгнания историк писал на философско-культурологические темы, занимался литературной критикой [1]. Отношение Ульянова к Бердяеву было двояким. С одной стороны, он признает авторитет «великого русского философа», цитирует его в подтверждение своих идей. С другой, употребляет термин «бердяевщина», а само словосочетание «религиозный философ» неизменно приводит как синоним антиисторизма.

Знаменитую фразу Бердяева «Чувствую агонию мира» Ульянов взял в качестве эпиграфа к своей статье «Шестая печать» о гибели мировой культуры [18, с. 132]. Также историк в положительном ключе цитирует текст «Выдержек из писем» Бердяева, рассуждая об апокалипсисе традиционной культуры:

«А там есть строки, полные тревоги за судьбу искусства. Бердяев обеспокоен не “кризисом искусства”, а возможностью полного его конца. Такие предчувствия тревожат с некоторых пор весь европейский артистический мир. Семнадцать лет тому назад, в Париже, вышла замечательная и, кажется, недостаточно еще оцененная книга В. В. Вейдле “Умирание искусства”, ставящая диагноз и дающая клиническую картину болезни, приведшей к “умиранию” лучшего, может быть, растения европейской культуры» [13, с. 59].

В своей критике «научных знаний», псевдообразованности и серости «ордена русской интеллигенции» Ульянов приводит цитату Бердяева:

«Лет шесть-десять тому назад Бердяев писал, что если бы Мах и Авенариус читали по-русски и могли знать, какое употребление сделали наши социал-демократы из их эмпириокритицизма, они бы за голову схватились» [6, с. 201].

В письме С. П. Мельгунову историк писал о своем отношении к либеральной интеллигенции:

«У Милюкова, Кареева, Новгородцева, Трубецких, Бердяева и др. — двойственная природа. С одной стороны, они — несомненные творцы культуры — крупные ученые, но в них сильна и радищевская стихия» [20, л. 2].

Представитель «второй волны», Ульянов был в искреннем восхищении от достижений художественной литературы первой волны эмиграции. Для усиления своей позиции советская литература представлялась им не полу-оппозиционными и фрондирующими писателями, а ультрасоветскими ангажированными беллетристами:

«Ковчегом Завета русской эмиграции была ее литературная миссия. Десятки лет сторожевая вахта подлинной русской литературы находилась не в СССР, а за границей. Считался правильным приговор, вынесенный Бердяевым: “Всю советскую литературу нельзя назвать литературой”. Ее можно изучать, но “потреблять” невозможно. Столь же беспощадный приговор вынесен Р. В. Ивановым-Разумником. Никому не приходило в голову считать Гладковых, Либединских, Чумандринных писателями» [17, с. 27].

Разговор о литературе в Советской России Ульянов продолжает в программной статье «О главном»: «“Коммунизм фабрикует нового человека,” — заметил Бердяев. Сами коммунисты прокламируют это на весь мир. Недаром существуют “инженеры душ”, “перековки”, “переплавки”» [12, с. 66]. В той же статье историк полемизирует с философом. Петроградский пролетарий Ульянов, школьник и студент первых лет советской власти, очень скептически относился к успехам большевиков в молодежной среде, указывая, как фанатизм коммунистов быстро сменился казенным патриотизмом в СССР. При этом Ульянов аргументирует, что России и русскому народу никакой нет пользы от победы мирового коммунистического движения, а любые успехи на ниве интернационализма, не важно, дворянского или пролетарского, никем никогда не будут оценены и являются для Запада доказательством «извечного российского (советского) империализма»:

«Тот же Бердяев верно сказал: “соблазн коммунизма, прежде всего, соблазн силы и победы”. Но мы-то знаем цену и смысл победы и знаем ее нелепость. Большевик изданна твердит, что освобождение угнетенных должно быть делом самих угнетенных, что свободу нельзя приносить на штыках. В то же время его политика — сплошное “освобождение” всего, что плохо лежит. Это политика создания всемирной коммунистической империи. Много ли в этом славы для России? Кольцо Нибелунгов, дающее власть над миром, приносило до сих пор гибель всякому, кто старался им завладеть. Даже чересчур большая популярность наказывалась.

Вспомним наше нелепое рыцарство, когда мы либо помогали заклятым врагам австрийцам усмирять их подданных, либо почти насильственно освобождали тех же австрийцев и прусаков от наполеоновской власти. Разве не снискали тогда вместо славы и благодарности — всемирную ненависть?» [12, с. 66–67].

Критику Ульянова как специалиста по национальному вопросу вызвал тезис Бердяева, что русский самозамкнутый национализм есть проявление русского язычества. Особенное отторжение вызвала книга «Русская идея» (1943), в которой русскому народному уму приписывался эсхатологический характер, так же как и отечественной общественной и философской мысли. Бердяев писал о двух корнях русского коммунизма. Большевизм им выводился не только из западного марксизма и заграничного идейного наследия, а и из русской истории и культуры. «Бердяевщина» вызывала у историка эмоциональный протест.

«Но зачем везти в Россию русский же товар, да еще подмоченный, — просвещать советского человека “Русской Идеей” Бердяева — произведением безответственным, субъективным, могущим считаться образцом дезинформации в отношении природы таких явлений, как коммунизм и революция?» [9, с.51].

Патриот, хотя и европофил, Ульянов выступал и против пропаганды в истории и культуре т. н. «традиционного общества», утверждая, что чаще всего «традиционализм» — это реакционное явление, оправдывающее отсталость любого народа. С другой стороны, Ульянов в своем творчестве мог и пошутить об особенностях понимания России и русского национального характера:

«Немалый вклад в это творчество внесли русские религиозные философы-эмигранты XX века вроде Бердяева, просвещавшие Западный мир по части “русской души”. Будучи людьми таланта и эрудиции, они подкупали также своим русским происхождением. Кому и знать Россию, как не им! Я, вероятно, не совершу большой ошибки, предположив, что их писания о России приняты сотрудниками “Икона — Icon” как откровение, без всякой критики» [9, с. 58].

Основные противоречия между Н. А. Бердяевым и Н. И. Ульяновым были структурно подобны различиям восприятия мира между философами и историками. И. А. Ильин так сформулировал основные положения бердяевской философии:

«Характерной чертой философствования Бердяева является далее то, что точнее всего было обозначить как “философский максимализм”. Бердяев не знает частной, относительной истинности, он не знает даже трудности и сложности: все проблемы, в т. ч. сложнейшие, решаются им быстро и цельно из единого прозревающего настроения, и притом решение его всегда стоит под знаком “абсолютного”, “откровения”, является плодом пророческого вдохновения ... Одним словом, Бердяев чрезвычайно субъективен, непосредственен и иррационален как в утверждениях, так и в отрицаниях» [3, с. 1].

Ульянов отрицательно относился к тенденциям обобщающих взглядов на историю, к универсальным схемам истории, включая позитивизм, марксизм и т. д. Ульянов не только склонялся к отрицанию такого подхода, но и вообще

ставил под сомнение применение таких терминов, как «законы истории», «причинно-следственная зависимость», «цивилизации», «формации», «идеальные типы» и т. д. При рассмотрении истории как особой дисциплины у него довольно резко были выражены тенденции отрицания панлогизма как метода исторического исследования. Поэтому концепция исторического процесса не только Бердяева, но и многих его современников — русских философов — вызывали у историка многочисленные упреки в заведомой подтасовке фактов. В «Петровских реформах» Ульянов писал:

«Еще более безответственный вид критики появился в эпоху мистицизма, в конце XIX, в начале XX века, когда сложилась новая гносеология, провозгласившая возможность знания без посредства какого бы то ни было изучения, каких бы то ни было рассуждений и выводов, знания внутреннего, возникающего без помощи внешних чувств. Эта новая теория познания и породила плеяду философов типа Бердяева, Мережковского, Степуна, Карсавина. Изучение истории они заменили ее постижением. В тайны истории мнили проникнуть интуитивно, мистически; глубже, чем посредством знания. Они были первыми, кто додумался до генетической связи “Третьего Рима” с Третьим Интернационалом, Петра Великого с Лениным и Сталиным. От них пошла густая толпа газетных писак, готовых судить и выносить приговоры на любую историческую тему» [14, с. 4].

Следует сравнить это мнение с выводом из другой работы Ульянова «Позорный рецидив»: «От их философии повалил густой дым развязных суждений на любую историческую тему» [15, с. 78]. Примерно так же эту идею Ульянов формулирует в работе, специально посвященной философии истории:

«Надо ли пояснять, что тут слышим голос не академически воспитанных историков, а людей, захваченных политическими страстями и размышлениями. История прельщает их не утолением жажды знания, а желанием получить ответ на волнующую тему. Большую популярность приобрели так называемые “вольные философы” типа Бердяева, Федотова, Степуна, отказавшиеся от изучения истории и заменившие его интуитивным “постижением”. Так, устанавливали они генетическую связь между “Москвой Третьим Римом” и “Третьим Интернационалом”, давшую им право объявить Россию извечным носителем идеи коммунизма и мирового господства. “Открытие” было подхвачено и имело большой успех. Но никому в голову не пришло заняться монографическим изучением этого сюжета. Монографическое изучение в эмиграции, вообще, замерло и вместо исследовательских работ, вводящих в научный оборот новый материал или новые точки зрения, усилилась тенденция писать водянистые общие обзоры от Рюрика до Ленина и возросла страсть к вольным суждениям, отмеченным знаком не объективного познания минувшего, а политическими страстями и спекуляциями нашего времени» [17, с. 65–66].

Во всех вышеприведенных цитатах присутствует имя Бердяева. Ульянов обвиняет и других философов в недостаточном знании и понимании истории, в примитивизме восприятия исторических процессов, отсутствии фактографической эрудиции, неготовности к академически объективному, монографическому изучению исторических процессов во всей их сложности.

По его мнению, незнание или вольное обращение с фактическим материалом приводит к преднамеренным или невольным фальсификациям в результате произвольных обобщений.

Здесь нужно отметить, что многие замечания Ульянова к бердяевской философии были связаны, по меткому выражению Ф. А. Степуна, с непониманием его часто запутанных идей:

«В недоразумении между Н. А. Бердяевым и многими из его критиков виноваты, в конце концов, конечно, совершенно иные причины. Один глубоко чтущий и любящий Н. А. Бердяева “левый” человек, горячо защищая его от нападков своего лагеря, как-то при мне воскликнул: “Я очень люблю и ценю Николая Александровича, но ненавижу «Бердяевщину»”. Я думаю, что своеобразный защитник был прав, причем говорю, конечно, не о распределении симпатий (это дело личное), а о теоретической необходимости отличать Бердяева от Бердяевщины, которая не есть, конечно, случайное непонимание Н. А. Бердяева со стороны некоторых из его единомышленников (недоразумение), а глубоко заложенная в самом Н. А. Бердяеве необходимость такого непонимания (тяготеющий над Бердяевым рок)» [5, с. 305].

При этом Ульянов в письме историку С. П. Мельгунову отмечал:

«Думаю, например, что у Бердяева, Булгакова, Франка и им подобных больше всего общего с подпольной Россией, чем это может показаться на первый взгляд. Они были на ножах с подпольем, но это поножовщина родных братьев» [20, л. 1].

Основные направления позитивно-исторической критики Ульяновым идей Бердяева сосредоточены в двух принципиальных вопросах: петровских реформах и истории русского православия, в особенности по вопросу о влиянии Петра I на церковь [см. также: 2, с. 73–77]. Именно в данном контексте употребляется термин «бердяевщина»: «Бердяевщина и славянофильство безусловно оставили след в головах, но есть еще причина, сеющая неприязнь к Петру, — недовольство его церковной реформой» [15, с. 78]. Вся эта неприязнь была основа на неприятии синодального периода и упразднения патриаршества. Восприятие России как «православной Индии», отрицание науки и блестящей русской культуры XVIII–XIX вв., утопическое понимание московского царства XVI–XVII вв. как счастливой Аркадии и Беловодии вызывали у историка, специализировавшегося на этом периоде, здоровый скептицизм: как можно своими домыслами фальсифицировать реальную историю? Историк замечал, что Россия в московский период отнюдь не была образцом идеального русского государства; по своему культурному уровню наша страна в данный период немногим превосходила Хиву или Бухару XIX в. В статье «Немного истории» он показывал, что петровские реформы церкви имели не только протестантский образец, а в целом были в рамках преобразований (впрочем, без обрядового экстремизма) Алексея Михайловича (синод — органичное продолжение монастырского приказа) и в еще большей степени — византийской традиции симфонии светской и духовной власти:

«В эмиграции вошло в моду бранить Петра Великого за крутые меры против погрязшей в обскурантизме части духовенства, за упразднение патриаршества

и замену его Синодом, объявленным славянофилами “приложением немецкого канцеляризма к спасению стада Христова”. Подхваченное Вл. Соловьевым, Мережковским, Карташевым, Бердяевым и уцелевшими участниками религиозно-философских собраний, словечко это пришлось по сердцу известной части духовенства, называющего по сей день Синод “департаментом вероисповедания”, а весь синодальный период — самым мрачным в истории своей церкви. Они и считают Петра главным ее порабителем» [11, с. 48].

Парадоксально, но защитники Бердяева пытаются в истории русской мысли выставить его критиков как ортодоксальных традиционалистов, чуть ли не мракобесов. Лучше всего такая точка зрения выражена один из самых известных русских философов XX в. Н. О. Лосским: «Есть лица, желающие быть более православными, чем само Православие, и потому считающие творчество Бердяева вредным для Церкви» [4, с. 108]. Но к Ульянову подобные упреки не применимы, так как он на большой источниковедческой базе доказывает, что православная церковь добровольно помогала светской власти в подавляющем большинстве общественно-политических начинаний. Разве могло не приветствовать черное и белое духовенство освобождение невских берегов и Валаамского монастыря от шведских, протестантских оккупантов или спасение православных братьев в Речи Посполитой от жестоко навязываемого католичества и унии (вплоть до массового сжигания на кострах), польского-шляхетского произвола или защиту православия в Османской империи с ее практикой отношения к христианам как к рабам), регулярного отнятия детей в гаремы и в янычары, прекращение набегов крымских татар за рабами. Чтобы все эти безобразия прекратить, русская православная церковь готова была на все. Если нужно для усиления государства и армии забрать церковные землевладения или передать царю монастырских и митрополичьих крестьян, то духовенство такие действия только приветствует.

Иное дело, если русской православной церкви делается упрек, что она слишком зависима от светских властей, а должна была себя вести в нынешней истории более независимо, как католичество. У Ульянова вызывало протест якобы преимущество католичества (в некоторых вопросах) перед православием.

«В нашу задачу не входит ставить его перед судом исторической науки, не признающей примата русского христианства перед христианством Запада. Проходим мимо и продолжающейся до сих пор защиты этого тезиса религиозными философами типа Бердяева» [10, с. 77].

Данная сентенция в истории русской мысли пропагандировалась в XIX в. веке многими философами, открытыми или скрытыми, так сказать, латентными католиками, — Владимиром Соловьевым, Владимиром Печериным, Петром Чаадаевым и др. Ульянов известен в истории русской мысли как непримиримый и неистовый критик последнего. Историк показывает, что в рамках западничества русские католики примитивно считают, что признание власти Ватикана решит все наши исторические проблемы и культурные недостатки. Признаем главенство папы Римского, будем петь молитвы на латыни, и сразу Россия станет передовой, во всех смыслах, державой. Ульянов по этому поводу точно заметил:

«Русское национальное самосознание, в процессе самосовершенствования, проходило и впредь, вероятно, будет проходить через величайшие самоотрицания, но пройти через это — не значит ли лишиться всякого самосознания?» [6, с. 184].

Ульянов посвятил Чаадаеву большую работу «Басманный философ» [6, есть и ранний вариант с другим текстом: 8], считая его католическим реакционером, поклонником Ж. де Местра, «хлестаковым русской прогрессивной мысли».

«Конечно, всех попутал Герцен, написавший вместо портрета Чаадаева свой собственный идеальный портрет. Конечно, Бердяев в наши дни подновил его, выхватив мессианистические фразы из “Апологии сумасшедшего” и наклеив их на трафаретное изображение московского Брута. История же с “Телескопом”, с объявлением Петра Яковлевича сумасшедшим отнесла его автоматически в разряд мучеников самодержавного произвола, “борцов с реакцией”» [6, с. 186].

Сам будучи западником, Ульянов давал самые худшие характеристики и Чаадаеву, и всем многочисленным чаадаевофилам:

«Надо быть, воистину, унтерменшем, чтобы в истерично покаянном порыве упасть перед чаадаевским евангелием. На нем печать и дыхание враждебного мира. Это духовная пятая колонна в истории русской мысли» [6, с. 184].

Философ Бердяев рассматривался как один из многочисленных создателей чаадаевского культа, сочетающий фальсификацию подлинных взглядов и идей с воинствующим антипатриотизмом: «Если прав Бердяев, что ответственность за себя и ответственность за отечество имеют один и тот же моральный корень, то этого корня у Чаадаева не было» [6, с. 184].

Ульянов объяснял многочисленные изменения общественно-философских взглядов Бердяева, его метания из марксизма в христианство, порой анекдотическое богоискательство, поиски компромисса между «добрым злом» или «злым добром» особенностями бердяевского этического восприятия мира.

В эссе «Мертвые города», посвященному путешествию в город Помпеи, он пишет о богоискательстве философа:

«Свидетельствует же Бердяев, как он в 1918 году восклицал: “Я не верю в Христа, я верю в Озириса”. В предсмертном его произведении “Апокалипсис наших дней” христианство представлено ложной верой и его падение рассматривается как причина российской катастрофы. Можно не сомневаться, что приведенные здесь строки об искоренении языческого чувства если не написаны, то зародились еще до поездки в Италию, еще в Петербурге. Протест против “извержения, какое две тысячи лет назад началось из Галилеи”, возник не в Помпеях, а на религиозно-философских собраниях. Вот почему, приехав в Помпеи, отправился он, первым делом, в храм Аполлона, от которого сохранилась лишь побитая колоннада с куском архитрава. Но достаточно было слов гида: “а вот здесь стоял квадрант” — солнечный круг, разделенный на градусы, чтобы исторгнуть у философа признание: “Все остальное в Помпеях, в сущности, не интересно” То же и в Пестум поехал не для археологии и науки, а для “огов-храмов”. Глядя на них, старался представить “прекрасных невинных людей, которые не знали или почти не знали ощущения греха. По всему вероятно, они смотрели на грех,

как на ошибку, которой не нужно еще раз делать, а не как на ответственность, томительную, щемящую, роковую» [7, с. 153].

Данную цитату нужно обязательно прокомментировать. Претендуя на научно-историческую точность, Ульянов постоянно упрекает Бердяева в неточном цитировании и вольном приведении фактического материала, в то время как «Апокалипсис нашего времени» (а не «Апокалипсис наших дней») — это последняя работа знаменитого литератора и философа В. В. Розанова. У Бердяева же подобной работы, тем более предсмертной нет.

Отношение Н. И. Ульянова к творческому наследию Н. А. Бердяева было двояким. Историк признавал его большой вклад в русскую философию, в то же время не мог согласиться с его рассуждениями о национальном вопросе, русском менталитете, роли Петра Великого и православной церкви. По сравнению с другими критиками бердяевской философии в Русском Зарубежье (И. А. Ильиным, И. Л. Солоневичем), Ульянов никогда не унижается до бранных эпитетов в полемике. Вместе с тем, обвинения самого знаменитого русского философа в отсутствии минимальных исторических знаний, тенденциозности и претенциозности, в защите «чаадаевщины», в полуязыческом богоискательстве привели к появлению в русской мысли второй половины XX в. мифа о существовании у Ульянова гиперкритического эссе против Бердяева, наподобие «Басманного философа» (Мыслей о Чаадаеве). На самом деле такого эссе даже в виде черновика или рукописных отрывков никогда не существовало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базанов П. Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018. 511 с.
2. Базанов П. Н., Ермичёв А. А. Оценка роли Петра Великого и петровских реформ в русском зарубежье: апологетика и критика // Acta Eruditorum. 2021. № 38. С. 73–77.
3. Ильин И. А. Николай Бердяев. Новое религиозное сознание и общественность // Ильин И. А. Собр. соч.: В 30 т. Т. 18. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 16–22.
4. Лосский Н. Философия Н. Бердяева // Вестник РХД. 1978. № 124. С. 89–108.
5. Степун Ф. По поводу Письма Н. А. Бердяева. («В защиту христианской свободы» в редакцию «Современные Записки») // Современные записки. 1925. № XXIV. С. 304–320.
6. Ульянов Н. И. «Басманный философ» (Мысли о Чаадаеве) // Ульянов Н. И. Диптих. Нью-Йорк, 1967. С. 162–188.
7. Ульянов Н. И. Мертвые города // Ульянов Н. И. Свиток. Нью Хэвен, 1972. С. 152–158.
8. Ульянов Н. И. Мысли о П. Чаадаеве // Опыты. Нью-Йорк, 1957. № 8. С. 50–72.
9. Ульянов Н. И. На западном фронте без перемен // Ульянов Н. И. Спуск флага. New Haven, 1979. С. 50–58.
10. Ульянов Н. И. Национализм Толстого // Ульянов Н. И. Свиток. Нью Хэвен, 1972. С. 58–81.

11. Ульянов Н. И. Немного истории // Ульянов Н. И. Спуск флага. New Haven, 1979. С. 41–49.
12. Ульянов Н. И. О главном // Мосты: Сб. ст. к 50-летию русской революции. Мюнхен, 1967. С. 67–78.
13. Ульянов Н. И. Об историческом романе // Ульянов Н. И. Скрипты. Ann Arbor, 1981. С. 59–64.
14. Ульянов Н. И. Петровские реформы // Ульянов Н. И. СПб. панорама. 1992. № 5. С. 3–4; 16–18.
15. Ульянов Н. И. Позорный рецидив // Ульянов Н. И. Спуск флага. New Haven, 1979. С. 72–82.
16. Ульянов Н. И. Спуск флага // Ульянов Н. И. Спуск флага. New Haven, 1979. С. 27–31.
17. Ульянов Н. И. Соблазны истории // Ульянов Н. И. Скрипты. Ann Arbor, 1981. С. 65–70.
18. Ульянов Н. И. Шестая печать // Ульянов Н. И. Диптих. Нью-Йорк, 1967. С. 132–141.
19. Эрн В. Ф. Налет валькирий (Ответ Н. А. Бердяев) // Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 360–368.
20. Yale University. Beinecke Rare Book and Manuscript Library. General Collection. The Roman Gul' Paper S. Ser. 1. Box. 14. Fail. 356.

REFERENCES

1. Bazanov P. N. (2018) "Petropol'skiy Tatsit" v izgnanii: Zhizn' i tvorchestvo russkogo istorika Nikolaya Ul'yanova ["Tacitus of Petropolis" in exile: The life and work of the Russian historian Nikolai Ulyanov]. St. Peterburg: Vladimir Dal'. 511 S. (In Russian).
2. Bazanov P. N., Yermichev A. A. (2021) Otsenka roli Petra Velikogo i petrovskikh reform v russkom zarubezh'ye: apologetika i kritika [Assessing the role of Peter the Great and Petrine reforms in the Russian diaspora: apologetics and criticism] In: Acta Eruditorum. N 38. S. 73–77. (In Russian).
3. Il'in I. A. (2001) Nikolay Berdyayev. Novoye religioznoye soznaniye i obshchestvennost' [Nikolay Berdyayev. New religious consciousness and public] In: Il'in I. A. Sobr. soch.: in 30 t. T. 18. Stat'i. Lektsii. Vystupleniya. Retsenzii (1906–1954). Moscow. S. 16–22. (In Russian).
4. Losskiy N. (1978) Filosofiya N. Berdyayeva [Philosophy of N. Berdyayev] In: Vestnik RKHD. N 124. S. 89–108. (In Russian).
5. Stepun F. About the Letter of N. A. Berdyayev. ("In defense of Christian Freedom" to the editor "Sovremennyye Zapiski") [Regarding the Letter from N. A. Berdyayev. ("In Defense of Christian Freedom" to the editors of "Modern Notes")] In: Sovremennyye zapiski. Parizh. № XXIV. S. 304–320. (In Russian).
6. Ul'yanov N. I. (1967) "Basmanny filosof" (Mysli o Chaadayeve) ["Basmanny Philosopher" (Thoughts about Chaadaev)] In: Ul'yanov N. I. Diptikh. N'yu-York. S. 162–188. (In Russian).
7. Ul'yanov N. I. (1972) Mervyye goroda [Dead cities] In: Ul'yanov N. I. Svitok. N'yu Kheven, S. 152–158. (In Russian).
8. Ul'yanov N. I. (1957) Mysli o P. Chaadayeve [Thoughts about P. Chaadaev] In: Opyty. N'yu-York. N 8. S. 50–72. (In Russian).

9. Ul'yanov N. I. (1979) Na zapadnom fronte bez peremen [All Quiet on the Western Front] In: Ul'yanov N. I. Spusk flaga. New Haven. S. 50–58. (In Russian).
10. Ul'yanov N. I. (1972) Natsionalizm Tolstogo [Tolstoy's nationalism] In: Ul'yanov N. I. Svitok. N'yu Kheven. S. 58–81. (In Russian).
11. Ul'yanov N. I. Nemnogo istorii [A little history] In: Ul'yanov N. I. Spusk flaga. New Haven. S. 41–49. (In Russian).
12. Ul'yanov N. I. (1979) O glavnom [About the main thing] In: Mosty: Sb. st. k 50-letiyu russkoy revolyutsii. Myunkhen, 1967. S. 67–78. (In Russian).
13. Ul'yanov N. I. (1981) Ob istoricheskom romane [About the historical novel] In: Ul'yanov N. I. Skripty. Ann Arbor. S. 59–64. (In Russian).
14. Ul'yanov N. I. (1992) Petrovskiye reform [Petrine reforms] In: SPb. panorama. № 5. S. 3–4; 16–18. (In Russian).
15. Ul'yanov N. I. (1979) Pozornyy retsidiv [Shameful relapse] In: Ul'yanov N. I. Spusk flaga. New Nawen. S. 72–82. (In Russian).
16. Ul'yanov N. I. (1979) Spusk flaga [Lowering the flag] In: Ul'yanov N. I. Spusk flaga. New Haven. S. 27–31. (In Russian).
17. Ul'yanov N. I. (1981) Soblazny istorii [Temptations of history] In: Ul'yanov N. I. Skripty. Ann Arbor. S. 65–70. (In Russian).
18. Ul'yanov N. I. (1967) Shestaya pechat' [The sixth seal] In: Ul'yanov N. I. Diptikh. N'yu-York. S. 132–141. (In Russian).
19. Ern V. F. (1991) Nalet val'kiri (Otvét N. A. Berdyayev) [Raid of the Valkyries (Response to N. A. Berdyayev)] In: Ern V. F. Sochineniya. Moscow. S. 360–368.
20. Yale University. Beinecke Rare Book and Manuscript Library. General Collection. The Roman Gul' Papers. Ser. 1. Box. 14. Fail. 356.